

Протомузейные формы в российской культуре

В отечественной музееведческой литературе период, предшествовавший учреждению в 1714 г. первого музея — Петровской кунсткамеры — практически не исследовался. Авторы, обращавшиеся к истории музеев России, как правило, отмечали редкие свидетельства интереса к древностям в средневековой Руси, которые извлекались из летописных и других немногочисленных источников. Пожалуй, единственным исключением является история Оружейной палаты, изучение которой имеет богатую историографическую традицию [1].

Многие годы российские исследователи опирались главным образом на исторический очерк музейного дела, принадлежащий Ф.И. Шмиту. В двух своих работах, 1919 г. и 1929 г. [2], ставших сегодня библиографической редкостью, автор рассматривал историю музеев, начиная с античных святилищ. Наиболее полно проанализирована история художественных музеев. Шмит считал, что систематические коллекции существовали уже в таких центрах эллинистической культуры, как Афины, Александрия Египетская, Пергам [3, с.9]. В XII веке появились настоящие коллекционеры, а в XV столетии возникли «вполне правильные музеи», т. е. доступные для публики учреждения, которые основывались на коллекциях, сформировавшихся в результате целенаправленного собирательства [3, с.36].

В последние годы интерес российских исследователей к ранним векам музейной истории заметно возрос. Появились книги, статьи, учебные пособия, авторы которых обращаются к рассмотрению протомузейных форм допетровского времени [4]. Недавно опубликована монография историка музейного дела В.П. Грицкевича, одна из глав которой посвящена проблеме предмузейного собирательства [5]. Рассматривая вопрос в широких хронологических и географических границах, автор отмечает, что в традиционных обществах архаической, древней и средневековой эпох постепенно складывались *музейные принципы* собирания, хранения и представления предметов, которые по различным мотивам изымались из сферы утилитарного употребления [5, с.100]. Автор считает, что такая практика предмузейного собирательства характерна для всего развития человеческой культуры. В качестве предмузейных форм автор выделяет, прежде всего, различные виды коллекций и рассматривает формирование музея «как процесс преобразования его из частного предприятия в массовое публичное учреждение по популяризации достижений культуры и материальных объектов, отражающих жизнь общества и природы» [5, с.4]. Книга В.П. Грицкевича представляет собой определенный

вклад в осмысление проблем предыстории музеев, однако обозначенное им направление требует дальнейших исследований.

В настоящее время большинство российских исследователей согласны с тем, что музей как социокультурный феномен существует примерно с XV века. Использование термина античных времен деятелями эпохи Возрождения для обозначения частных собраний и коллекций, по-видимому, означает, что они усматривали общие или внешне напоминающие черты, некую преемственность между зарождавшейся новой культурной формой и античными «музеями».

Есть основания полагать, что появление музея как новой культурной формы в значительной степени обусловлено определенным социальным заказом. Причем, такой заказ мог быть осознан и тем более сформулирован лишь в процессе складывания в обществе определенных мировоззренческих установок. Присутствующие в исторических исследованиях словосочетания «предмузейное» или «домузейное» собирательство, «протомузейные собрания», «прамузейные учреждения» являются временными характеристиками. Между тем есть все основания использовать понятие *протомузейная форма* как качественную характеристику и распространить это понятие не только на коллекции.

Появление музея в России стало возможным на рубеже XVII — XVIII веков. В это время на смену средневековой, традиционалистской культуре приходит новая культура в связи с общественным стремлением «очистить разум от заблуждений», возрастанием интереса к человеческой личности и прошлому человечества, изменением представлений о времени и пространстве и по мере расширения контактов с культурами других стран и народов. Эти явления были замечены и исследованы в трудах Д.С. Лихачева, А.М. Панченко, А.С. Демина и других авторов [6].

К тому моменту, когда российское общество вплотную подошло к осознанию необходимости новой культурной формы, такая форма — музей — уже появилась и была апробирована в Европе. Петровская кунсткамера стала заимствованной формой распространенного в то время в Западной Европе музейного учреждения. Несколько десятилетий она оставалась единственным музеем в стране. Требовалось время, чтобы нововведение адаптировалось и стало в России своим.

Впрочем музеи на много легче других петровских преобразований прижились на русской почве, поскольку в отечественной культуре на протяжении нескольких веков шел процесс осознания необходимости сохранения и передачи культурной информации. За много веков до появления первого музея на Руси были созданы яркие памятники

культуры и искусства, впоследствии признанные шедеврами мирового искусства: архитектурные памятники Владимиро-Суздальской Руси, фрески Андрея Рублева, древнерусская литература, произведения прикладного искусства, созданные в русских монастырях и Оружейной палате Московского Кремля. Тот факт, что они сохранились до нашего времени, свидетельствует: память о прошлом на Руси научились оберегать еще в домузейные времена. Обращали на себя внимание и нередко сохранялись сакральные предметы, военные трофеи, древние рукописи и книги, документы, исторические реликвии, ценное оружие, дорогие одежды и посуда.

В культуре средневековой Руси можно выделить процесс зарождения тенденций, в той или иной степени ведущих к возникновению музея¹, и отметить появление сохранных мест, где могли сформироваться собрания памятников культуры. В процессе хранения древностей появлялись элементы целенаправленного собирательства. Особенностью предмузейного собирательства в России было отсутствие почти до конца XVII в. частного коллекционирования, хотя в Европе именно различные виды частных коллекций, многочисленные галереи и кабинеты стали предмузейными формами.

Пока задача не стала четко осознанной и не была найдена оптимальная и универсальная форма — музей, решения носили локальный характер, и в каждой сфере культурной и общественной жизни вырабатывались свои методы поддержания культурной памяти. Более пристальное внимание ко времени, предшествовавшему появлению первого российского музея, позволяет выявить общие черты и тенденции развития большой группы, на первый взгляд, разнородных и слабо связанных между собой культурных образований, возникших на ранних этапах истории отечественной культуры — архивов, приказов, аптек, библиотек, арсеналов, монастырей, храмов, великокняжеских сокровищниц, зверинцев, «культурных» садов и др.

У всех названных форм, создаваемых с разными и вполне утилитарными задачами, можно выделить общую черту: они связаны с деятельностью, предусматривающей необходимость сохранения результатов этой деятельности или предметов, необходимых для ее осуществления. Все названные культурные образования можно охарактеризовать как протомузейные формы, которые, как правило, предшествовали появлению различных групп музейных учреждений и, наряду с утилитарными функциями, выполняли задачу поддержания культурной памяти (собирания, интерпретации и хранения культурного опыта) в различных сферах общественной жизни. Большинство из них на определенном этапе послужили научному постижению мира.

---

¹ К примеру, кладоискательство, распространившееся в XVII в., особенно в Сибири, где возникли целые артели, занимавшиеся раскопками древних курганов.

Классическим примером протомузейной формы, появившейся за долго до возникновения музеев и частично выполнявшей в то время музейные функции, являются *церковные ризницы*². Впоследствии они сосуществовали одновременно с музеями, а в ряде случаев стали основой музейных собраний. Ризницы изначально предназначались для хранения сначала только церковного облачения (риз), а затем всех предметов, необходимых для совершения богослужения: крестов, сосудов, книг, икон и пр. Все предметы располагались в определенной последовательности, связанной с процедурой богослужения, т. е. были систематизированы. С очень давних пор в Патриаршей (позднее Московской Синодальной) ризнице Московского Кремля, существовавшей с XVI в., хранились выставленные в специальных витринах богослужебные и бытовые предметы московских митрополитов и патриархов, почитаемые как святые. За многие века существования патриаршей ризницы и ризниц крупнейших монастырей (Киево-Печерской Лавры, Валаамского, Ипатьевского, Псково-Печерского, Соловецкого), куда поступали богатейшие вклады от частных лиц, в том числе российских государей, сформировались высокохудожественные собрания, включавшие национальные реликвии. Такие ризницы никто не рассматривал, как рядовые хранилища церковного имущества. Их всегда тщательно оберегали. В XIX в. были предприняты попытки научного описания памятников, хранившихся в ризницах и дававших богатейший материал для изучения древнерусского прикладного искусства, литературы, православной иконографии и пр. В действующих храмах ризницы и сегодня продолжают выполнять свои изначальные функции, хотя в странах с развитым туризмом наиболее ценные в культурном отношении коллекции доступны для осмотра широкой публикой и функционируют скорее как музейные, нежели культовые структуры. Одной из самых известных в мире является ризница венецианского собора Святого Марка, в которой уже много веков хранятся памятники, вывезенные из Византии во времена рыцарских походов. История самой известной в России ризницы Троице-Сергиевой Лавры, превращенной в 1920 г. в музей, прослеживается с XIV в. Ряд музеев, действующих сегодня, имеют в своей основе собрания церковных ризниц (Переславль-Залесский музей-заповедник, Иркутский областной краеведческий музей и др.).

В военной сфере при центрах производства вооружения в средние века возникли *арсеналы*, первые на Руси — еще в XV—XVI вв. Так, в XV в. был основан Пушечный двор в Москве, с этого же времени известна Оружейная казна великих московских

---

² Ризницами называют также собрания историко-церковных памятников, сформированных и хранящихся в храмах.

князей. В XVI — XVII вв. крупные арсеналы сформировались при монастырях, имевших оборонительное значение. Утилитарным назначением арсеналов являлось изготовление, хранение, ремонт и распределение вооружений в армии и флоте. Однако в них стали накапливаться и храниться образцы старого или редкого оружия, военные трофеи, регалии, подарки. Эти собрания постепенно приобретали характер исторических коллекций.

Так, предметы из богатейшего арсенала Соловецкого монастыря в начале XIX в. хранились и экспонировались в одной из монастырских башен как исторические памятники, позднее наиболее ценные образцы участвовали в крупных выставочных проектах, передавались в Артиллерийский музей. Таким образом, арсеналы, как и ризницы, играли роль протомузейных учреждений задолго до появления первого музея в России и продолжали исполнять ее и после 1714 г. С течением времени, в основном в XIX в., они поменяли свое прямое предназначение и реорганизовались или в военные заводы, или в военно-исторические музеи.

Генезис музея как новой культурной формы изменялся параллельно с другими культурными процессами, в том числе с колоссальным рывком в области науки, особенно естествознания. В истории отечественной науки и культуры в целом особое место занимает XVII в. [7]. Успехи в области естествознания этого периода очевидны, но нельзя не отметить, что еще не возникли особые центры, специально предназначенные для получения нового знания — университеты, академии, научные общества.

К таковым можно отнести, пожалуй, только обсерватории, которые в конце XVII в. стали важными центрами образованности и исследований. Развитие науки на этом этапе отчасти являлось функцией ряда правительственных приказов. Одним из таких приказов стал Аптекарский приказ, который ведал медицинским обслуживанием царской семьи, чинов Государева двора, иноземцев, участвовал в предотвращении эпидемий, проводил судебно-медицинскую экспертизу, финансировал обучение русских врачей в европейских университетах и пр.

Характерно, что в отмечаемом историками науки активном процессе дифференциации знания по специальностям раньше всех в качестве особой дисциплины выделилась именно медицина, консолидировавшая в средние века биологические знания [8]. Эти наблюдения отчасти объясняют тот факт, что находившиеся в ведении Аптекарского приказа *аптеки*, созданные для изготовления и отпуска лекарств, функционировали на определенном этапе как протомузейные формы

с естественно-научными собраниями, что не являлось чисто национальной особенностью. Отличительной чертой европейских аптек также являлось формирование при них анатомических, биологических, зоологических собраний. В России этот процесс можно проследить с конца XVI в.

Аптекарское ведомство и главная московская аптека сыграли важную роль в основании первого российского музея — Петербургской кунсткамеры. При московской Главной аптеке имелось собрание анатомических препаратов. Вынашивая план организации музея в России, Петр I первоначально предпринял шаги к расширению коллекций московской аптеки, куда были направлены первые приобретения, сделанные в Голландии (образцы птиц, рыб, насекомых). Личное собрание и библиотека Петра хранились в Аптекарской канцелярии и были в 1714 г. переведены в Петербург. Позднее в основанную там Кунсткамеру вошли также собрания минералов, раковин, медалей лейб-медика и архиатра Р. Арескина³. Он имел блестящее европейское образование и степень доктора философии и медицины. В 1714 г. Арескин был назначен начальником Кунсткамеры и смотрителем библиотеки. После смерти Арескина Петр I купил его богатейшую библиотеку (более 4 тыс. томов). Медицинская канцелярия вместе с Соляной конторой давали средства на содержание Кунсткамеры (видимо, до 1724 г.).

У музеев живой природы — ботанических садов — были свои и очень древние предшественники — *аптекарские огороды*. Понятно, что аптекарское ведомство имеет прямое отношение и к этой протомузейной форме. Первые аптекарские огороды разводились при средневековых монастырях, возможно еще с XI в., во всяком случае, именно с этого времени прослеживается появление при монастырях больничных келий. Растения в таких огородах высаживались в определенном порядке в зависимости от их лечебных свойств, принимались меры по акклиматизации лекарственных растений, завезенных из других стран, разводились травы, которые в качестве дикорастущих было трудно или невозможно заготовить.

В Москве аптекарские сады устраивались со времен царя Михаила Федоровича (1613—1645). При царе Алексее Михайловиче (1645—1676) в городе было три аптекарских сада (огорода). Первый и главный огород находился на Москве-реке, под Кремлевской стеной, в том месте, где сейчас из трубы вытекает река Неглинка у Боровицких ворот [8]. Аптекарские сады всегда находились в тесной связи с врачебными учебными заведениями, служили базой для подготовки медиков, которые

---

³ Роберт Карлович Эрескин. Архиатр — глава Аптекарского приказа.

изучали здесь ботанику, лекарственные свойства растений, а также учились их выращивать, собирать, хранить, изготавливать из них лекарства.

В первой четверти XIX в. аптекарские сады теряют чисто медицинский характер. Наиболее крупные, накопившие многие тысячи видов растений, преобразуются в *ботанические сады*. Заложенный в 1706 г. по указу Петра I в Москве аптекарский огород Медико-хирургической академии в 1805 г. был передан в ведение Московского университета и развивался далее как университетский ботанический сад.

Сегодня это старейшее в России естественно-научное учреждение является московской достопримечательностью и носит историческое название Ботанический сад МГУ «Аптекарский огород» [8]. В Петербурге в 1714 г. на Аптекарском острове был разбит аптекарский сад, давший название острову. В нем выращивались не только лекарственные травы, но и разнообразные растения для коллекций. В 1823 г. был реорганизован в Ботанический сад, в XX в. — это Ботанический сад Ботанического института АН СССР.

Как уже отмечалось выше, лучше других протомузейных форм изучена история Оружейной палаты. В литературе достаточно сведений, повествующих о том, как на основе великокняжеских и царских сокровищниц возникали *дворцовые музеи* и *национальные архивы*. Первоначально княжеские сокровищницы представляли собой казну — хранилище ценностей, использовавшихся, в том числе для государственных нужд. Первые упоминания о сокровищницах на Руси относятся к IX — X вв., о сокровищнице московских князей известно с XIV в., которая первоначально размещалась в теремных покоях и в подклети Благовещенского собора Московского Кремля. В XV—XVI вв. сокровищница и государственная казна являли собой одно целое. В 1485 г. при Иване III (1440—1505) для Московской великокняжеской сокровищницы было построено специальное двухэтажное здание на территории Кремля, между Архангельским и Благовещенским соборами — Казенный двор.

Благодаря работам Г.Л. Малицкого и других исследователей истории Оружейной палаты известно, как Кремлевская великокняжеская и царская сокровищница XIV — XVI вв. стала хранилищем, в котором накапливались и устойчиво оседали ценности, уже современниками признанные заслуживающими особо тщательного сохранения. В XVI — XVII вв. уже существует так называемое «музейное ядро» — средоточие политических реликвий, выдающихся произведений русского, восточного и западного прикладного искусства, памятников быта и культуры, связанных с историческими событиями того времени, а частью, восходящими к началу образования национального государства [9].

Процесс формирования музейного собрания занял несколько веков и завершился лишь в XIX в. образованием одного из крупнейших музеев Дворцового ведомства. Здесь же сохранялись документы Московского великокняжеского двора, составившие основу Царского архива. Г.Л. Малицкий ссылается на источники, которые характеризуют традиционное, восходящее к XV в. использование Казенного двора для хранения архивных документов государственной важности. Начиная с XVIII в., предметы из великокняжеской сокровищницы уже не подносились в качестве подарков, и собрание сохранялось в неприкосновенности.

Рассказ о существовании в допетровской Руси протомузейных форм может быть продолжен. Так, потешные дворы, известные в России с XVI — XVII вв., стали предшественниками природных заповедников; зверинцы эволюционировали в зоопарки. Но и приведенные примеры показывают, что протомузейные формы — не просто временные характеристики. Их появление, развитие и превращение или не превращение в музеи сопровождало всю музейную историю.

Протомузейные формы, одни из которых переросли в музей, другие — нет, сыграли свою роль в сохранении культурного наследия прошлого. Их изучение расширяет наши представления о способах сохранения культурного наследия на ранних этапах истории культуры, до появления специализированных музейных учреждений, делает картину культуры допетровской Руси яснее и богаче, позволяет выделить некоторые особенности отечественной культуры этого периода, подчеркивает наличие закономерностей в развитии музейного дела.

Думается, что имеются все основания к тому, чтобы придать понятиям *протомузейные формы* и *протомузейное учреждение* статус научных категорий. Уже одна постановка проблемы намечает целую программу научных исследований по наименее изученному, раннему этапу истории музеев. Встает задача максимально полного выявления таких учреждений и их национальных особенностей. Интересные результаты может принести анализ их сосуществования и сотрудничества с музеями в XIX и даже XX веками. Заслуживает внимания механизм превращения утилитарных собраний в музейные коллекции. Любопытно, что и сегодня внутри музейного мира можно найти учреждения музейного типа, которые, со временем, возможно, преобразуются в музеи детские, — музеи, музеи-магазины, некоторые культурные центры, галереи и пр.

Список литературы

1. Государственная Оружейная палата Московского Кремля. — М., 1954; *Ненарокомова И.С.* Государственные музеи Московского Кремля. — М., 1977; Государственная Оружейная палата. — М., 1988; *Гончаренко В.С., Нарожная В.И.* Оружейная палата. — М., 1995 и др.
2. *Шмит Ф.И.* Исторические, этнографические, художественные музеи: Очерк истории и теории музейного дела. — Харьков, 1919
3. *Шмит Ф.И.* Музейное дело. Вопросы экспозиции.— Л., 1929. — С.9.
4. Музейное дело России. — М., 2003; *Сотникова С.И.* Музеология.— М., 2004; *Юренева Т.Ю.* Музей в мировой культуре. — М., 2003 и др.
5. *Грицкевич В.П.* История музейного дела до конца XVIII века. В 2 ч. — СПб., 2001.
6. *Лихачев Д.С.* Развитие русской литературы X—XVIII веков. Эпохи и стили. — Л., 1973; *Панченко А.М.* О русской истории и культуре.— СПб., 2000; *Демин А.С.* Русская литература второй половины XVII — начала XVIII века. Новые художественные представления о мире, природе, человеке. — М., 1977 и др.
7. Естественно-научные представления Древней Руси. — М., 1980. — С.151—204:
8. *Паришин А.* «Аптекарский огород» // *Добрые люди.* — 2004. — № 2. — С.38—41
9. *Малицкий Г.Л.* К истории Оружейной палаты Московского Кремля // Государственная Оружейная палата Московского Кремля. — М., 1954.— С. 555.